

Впечатление от этой ленты ни с чем виденным до сих пор сравнить не могу. Сперва чуть настораживает внешне слишком безыскусная простота съемки, спотыкающегося кадра, ничего вроде бы не значащего, ни о чем особенном не говорящего. Потом маленький черно-белый экран буквально всасывает тебя целиком. И ты знаешь: да, это — С НАМИ, и это — ЖИЗНЬ. Без режиссерской аффектации, надрыва и позы. Но именно обидность и бьет сильнее всего, потому что говорит о нашей привычке к страшному. О том, что так было, есть и, видимо, долго еще будет. Смириться?..

ТА ДЕВОЧКА, что пытается «соблазнить» парнишку у какого-то сарая, почти на виду. Она когда-то не смирилась, выбилась из обоймы — и очутилась в «зоне». Единственная надежда выбраться побystрее отсюда для нее — обещанная скорая амнистия для беременных и матерей с малыми детьми. И она кричит заученно: «Миленький, хорошенький, ну пожалуйста, ну мне очень надо!..». А издерганная, измученная непосильной ношей воспитания в одиночку сына молодая еще мать? Униженно вымаливающая прощение за провинности своего Валерки у страшноватого в своей мрачной кондовости директора школы... И Валерка с Галией, вечно соперничающие, враждующие, но накрепко связанные друг с другом одним духовным и житейским опытом и зарождающимся первым чувством, у которого не оказалось будущего...

Эпизоды легко, без нажима сменяются, но в каждом, оказывается, — зерно характера, судьбы. Документально точное свидетельство, выраженное художественными средствами. Лента, где ни документальность, ни художественность не являются самоцелью. А из «фиксации» и «констатации» рождается живой образ времени.

Виталий Каневский родился 55 лет назад на Дальнем Востоке. В 25, после того как уже походил рыбаком в море и даже тонул у дальних чужих берегов, поработал элентриком на суше, отслужил, — приехал в Москву и поступил во ВГИК в мастерскую Михаила Ромма. Учился одновременно с Андреем Кончаловским, Виктором Трегубовичем...

Дипломную поставил на «Беларусьфильме» в 1977 году, короткометражку по рассказам Драгунского «По секрету всему свету», которую иногда крутят сейчас по телевидению, правда, здорово порезанную. К защите допустить долго не хотели, не вписывался новичок в «киношный» стандарт. Считал, видите ли, съемку с прицелом на монтажный стол искусственной, а не искусством: из кадра, мол, уходит живая жизнь, остаются лишь тени, ходульность да нарочитость. Он и сегодня любит снимать одним куском, не дробя, естественно и натурально, когда динамика и смысловое наполнение зависят от работы оператора, режиссера на площадке, от непосредственного актерского чувства и понимания. («Так снимает сейчас молодежь, и многие мне очень по душе».)

После диплома попал на «Ленфильм». Однако и тут отнеслись настороженно. Снимать не давали. Отфутболили два собственных сценария. И, один за другим, — пять сценариев любимого им Эдуарда Володарского. Каждый раз утверждалось, но до следующего этапа так и не доходило. Почти все они потом были поставлены на других студиях и другими режиссерами.

— Да как же существовали, как выжили, Виталий?

— А вот так вот. Ассистировал коллегам-режиссерам — Сергею Микаэляну, Виктору Трегубовичу, Али Хамраеву... Мучительное это состояние — наблюдать чужую работу, когда видишь, что и как надо сделать, и знаешь, что сам снял бы совершенно иначе.

— Почему так долго не получалось с самостоятельной постановкой?

— Почему... Вот однокашник мой Трегубович, например, лицо авторитетное, поставил крест: «Ты — бездарь!». Он и сейчас, как я понимаю, остается при этом своем убеждении.

«Замри — умри — воскресни!». Студия «Ленфильм». Недавно В. Каневский привозил ленту в Ригу, для клубного показа.

Однажды оказался «свободным» сценарий — не из лучших, но все-таки шанс. Снял я эту самую «Деревенскую историю», но считать ее своим фильмом не могу: опять была порезана, пере-

делана. А дальше, порою по восемь месяцев в году, был в простое, не получал ни копеечки. У меня и до сих пор дома пусто. А там дочь родилась, новые трудности... Иногда утром встанешь, начинаешь в уме «снимать». А то расфантажируешься, как бы спектакль поставил. Прогнал — дайте хотя бы с рекламой работать, что ли. Брали режиссером дубляжа на ленты союзных республик, чаще восточные попадались: Таджикистан, Туркмения.

Однажды получаю ленту — ну совершенно безнадёжную. Хотя тема вроде есть, но так снято, так играют... Начал развешивать, раскладывать ее до первоначального замысла, чтобы сообразить, как бы сделал сам. Имея право распоряжаться звуко-шумовой плотью картины, фактически отрежиссировал ее в этом плане заново. Там герои пастихи были. Наслонил на малозначащие стандартные монологи и диалоги живую перекличку по радию, «посторонние» звуки повседневности. Да еще актеры дубляжа прекрасно сработали. Словом, какую-то республиканскую премию фильм тогда взял. А в работу по дубляжу я даже втянулся, увлекла возможность ощутить, кто из режиссеров как думает, чувствует, почему тот или иной ход появляется в ленте. Пусть она даже и не выдающаяся — все равно полезно и поучительно. Убеждался, что, в принципе, «кино» не хуже любого «народного артиста» в состоянии снять всякий человек «с улицы», — овладей он минимумом приемов и навыков. Но только будет ли это и в том, и в другом случае — искусство?!

— И как все-таки удалось добиться собственной постановки?

— Нахально воспользовался нынешними послаблениями и неразберихой. Когда поведал Володарскому о своем замысле, тот решил, что это почти готовый сценарий, только разработать немного надо. Что я и сделал. Притащил через некоторое время, и центральная сценарная студия его приняла. Хотя я заявил сразу, что намерен ломать привычную форму. А где будете снимать, спрашивают. Отвечаю, что хотелось бы на ленфильмовском творческом объединении «Троицкий мост», где худруком режиссер Игорь Масленников. Хорошо, говорят. В произ-

водство запускать ленту должны были только в 90-м году. А на дворе — конец 88-го. Алексею Герману понравился мой замысел, он здорово помог продвинуть, агитировал за него повсюду. Так что в титрах законно проставлено — «при участии мастерской первого (!) фильма», которой Герман и руководит.

— Вашу ленту можно смело назвать авторской. Сами писали сценарий, сами были режиссером...

— Даже все песни за кадром сам пою и сам создаю «шум за сценой»... Хотя сов-

жественных образов, обобщений, мне ничего не пришлось придумывать, все было со мной в детстве. И жили мы в бараках шахтерского поселка. И детей там в шахты спускали из «зоны». И был наш, повседневность воспринимали как вполне нормальное, даже неплохое житье. Только много лет спустя понимаешь реальное свое положение — вот в чем ужас. Когда человек такое считает нормой! Все мы очень больны, и если мы, одна шестая света, не выйдем из этого состояния, не излечимся от этого сумасшествия, —

— Да, в вашей картине немало неожиданных, непридуманных эпизодов. Когда, например, Валерка увидел, что работник ювелирного, выпроваживавший его из магазина и наткнувшийся в дверях на кастет грабителя — мертв.

— Я сам сперва удивлялся, глядя эти кадры, — неужели я был таким тупым и бесчувственным?! Наклонился, разглядел, ушел... Никаких воплей, закатывания очей, обмороков. Но это самая естественная реакция, особенно для ребенка. До него просто не доходит реальность случившегося. Или же срабатывает самозащита, инстинкт выживания?

— Видимо, так же, как он срабатывает, когда человек, находясь в условиях скотских и, казалось бы, невыносимых, сознательно или подсознательно, но приспосабливается и действительно начинает воспринимать их как вполне сносные. Чтобы выжить, чтобы не свихнуться.

— Конечно, поэтому и съемка здесь нужна была необычная. Я не мог брать слишком опытного оператора, он выдал бы мне «искусство», «кадр», «картинку», исходя из устоявшихся правил и приемов профессии. Я отправился во ВГИК, выбрав студента-оператора, познакомил его со своим замыслом и требованиями: «Ты можешь делать брак?». Он даже обиделся. Но дело в том, что экран все время должен был у нас «истончаться», будто вот-вот собирался расползтись на кусочки и волоконца, как гнилая ткань. Как давно уже катострофически расплывается ткань жизни в нашей несчастливой стране.

— Как получилось, что о вашей ленте знают за рубежом?

— Ее прокрутили в информационной программе последнего, декабрьского пленума Союза кинематографистов СССР в Москве, и гости захотели показать в своих странах. Не успел вернуться в Ленинград — снова пришли смотреть немцы, потом итальянцы, французы, бельгийцы... Уже купила Франция. Едет на кинорынок в Италию. При всем при этом до сих пор не пойму, кому же наш фильм принадлежит — Госкино или студии... Недавно узнал, что на фестивале в Барселоне наградой за лучший авторский фильм становится открытие на имя победителя счета в банке. Чтобы обеспечить возможность дальнейшего успешного творчества. Вот о чем можно помечтать!

МЫ ЗНАЕМ о лентах «с полки». Виталия Каневского можно бы назвать (простите) режиссером «с полки». Как хочется, чтобы он был извлечен оттуда — навечно.

Наталья МОРОЗОВА.

НОВОЕ ИМЯ

Виталий Каневский: «ПОКА НЕ ИЗЛЕЧИМСЯ...»

мещение сценарной и режиссерской профессий — это всегда очень трудно и сложно, но дальше собираюсь работать так же.

— А как пошла работа — не может быть, что все гладко?

— Хотя сценарий и принял, но поначалу как-то не слишком доверяли, боялись провала, боялись зря потратить вкладываемые в эту авантюру деньги. Я подсказал: остаются иногда после других съемок «сэкономленные» деньги, пленка и т. п. Почему бы не передать мне, тогда и дополнительных средств не требуется. Правда, рискнули на студии, только получив разрешение Госкино.

И мы сразу приступили — о, как бы не всерьез, как бы всего лишь кинопробы делаем. В декабре искали натуру и людей, актеров и неактеров. Посчастливилось открыть свою Галию — ленинградскую школьницу, умницу и отличницу Динару Друкарову из вполне благополучной и интеллектуальной семьи. И Валерку — Пашу Назарова из-под Ленинграда, которому тогда не было двенадцати, чья мама и бабушка, занятые собственной жизнью и делами, предоставляли мальчику «право» расти как получится, как трава растет. В январе прошлого года шли натурные съемки на Дальнем Востоке. Тогда же смог уже кое-что показать на студии, получил «добро». Но речь все еще шла о каких-то улучшениях, поправках. Я предлагал сценарные варианты. И главным тогда для меня было суметь так схитрить, чтобы не выписать на бумаге свои художественные находки. Когда на студии увидели всю картину, удивление было неподдельное: «Мы совсем другого ожидали!»

На некоторое время работу приостановили, ждали разрешения на полный метраж. Сняли все к середине июня, монтаж, озвучивание завершили к сентябрю. Но долго трудился над музыкальной частью Сергей Баневич — пожалуй, единственное известное имя в нашем фильме. К сожалению, почти ничего в картину не вписалось, хотя неудачной музыку не назовешь. Сдали фильм в итоге в ноябре, если учесть задержку с музыкой — получается девять месяцев работы. Такой получился ребенок.

— Картина, видимо, автобиографическая?

— Да, кроме чисто худо-

боюсь, затащим в него весь остальной мир.

Да, мы сегодня «оголились», как сошедшая с ума от горя женщина в финале моей ленты. Но, выставляя напоказ свои горести, вывихи и язвы, продолжаем, однако, в массе своей скакать на помеле все тех же стародавних ходульных лозунгов и представлений. Реально в жизни пока мало что меняется. Да, пожалуй, ничего.

— Где нашли сегодня такие труппы?

— И искать не надо. Основные съемки проходили под Ленинградом. Есть там места, где все как сорок с лишним лет назад: и бараки, и зона. Лишь стало еще страшнее, запущенней, безнадеей. И только приметы послевоенного Дальнего Востока или Сучан, что недалеко от Находки, не хватает — японских военнопленных. Таких трупп по стране великое множество. Не пришлось тратить на павильоны, усугублять что-то, вселялись в готовые «интерьеры». Кое-что пришлось даже почистить и убрать, не дай бог обвинят в нагнетании мрачности и «чернухи».

Вообще писатель, сценарист, режиссер ничего «придумать» не в состоянии. Как бы хорошо он ни знал «эпоху», ни «вживался» в характеры и обстоятельства, как бы ни был психологически тонок, образован, начитан — все равно отсутствие опыта пережитого, опыта собственных души и сердца не дадут сделать книгу или фильм живыми, узнаваемыми, нехотульными.